

18+

Д. Смирнов-Муравьев

Сияна

Рассказ

Смирнов-Муравьев Д. Сияна. Рассказ

<https://litres.ru/74150323>

ISBN 9785007005913

Аннотация

Что делает нас собой? Не случайности судьбы, а вера в чудо, оживляющее сердце, в себя, дающее силы двигаться вперёд, и в ценность прожитых лет, которые учат мудрости. Книга ведёт читателя через лабиринты души, где каждая утрата оборачивается обретением, а каждое воспоминание — ступенью к подлинному «я». Это гимн человеческой стойкости и вере в то, что в каждом из нас есть искорка чуда, которую нужно лишь вспомнить, поверить в неё и довериться себе.

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Незнакомка	10
Глава 2. Солнечный день	19
Глава 3. Портрет	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сияна Рассказ

Смирнов-Муравьёв Д.

© Смирнов-Муравьёв Д., 2026

ISBN 978-5-0070-0591-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Даже если, если так случилось, что между нами тысячи километров, я знаю, ты найдёшь меня — во взгляде случайного прохожего, в порыве

ветра, в самом необычном сне. Потому что те люди, которые предназначены друг другу самой судьбой, всегда, несмотря ни на что, находят дорогу к своему дому.

Пролог

Город встретил осень запахами влажного асфальта и опавшей листвы. Небо, затянутое тяжёлыми серыми облаками, угрожало упасть и раздавить город. Улицы утопали в устрашающей пустоте — поздний вечер, промозглый воздух, лишь редкие фонари освещали лужи, в которых мерцали огни, которые, словно светлячки, переливались разными цветами.

Роман успел вскочить в последний трамвай. Двери уже начали практически закрываться, но водитель, увидев его отчаянные попытки, сжалился и впустил. Салон был почти пуст: двое спящих у окон, парень с рюкзаком у задней двери и девушка у окна напротив. Роман направился по салону и сел напротив неё. Девушка подняла взгляд — и время словно остановилось. Её глаза были необычными: казалось, она знала его всю жизнь, но видела впервые. Тёмные волосы, глубокие карие глаза, шарф с геометрическим рисунком, руки, спрятанные в тёплый рукав пальто. В ней было что-то до боли знакомое — как мелодия, которую не можешь вспомнить, но чувствуешь её присутствие.

— Вы выглядите так, будто очень устали, — улыбнулась она. Голос у неё был мягкий, тёплый, который согревал.

— Так и есть, — улыбнулся Роман, невольно отвечая на улыбку. — А вы?

— А я просто еду. Куда — уже даже не важно. Главное — просто ехать.

Они разговорились. О том, как странно устроена осень — одновременно тоскливая и в то же самое время полная надежды. О том, что последний трамвай всегда символизирует конец и начало. О хороших книгах, которые хочется читать под шум дождя. Она сказала, что её зовут Сияна. Имя звучало как шёпот ветра в голых ветках и шорох опавших листьев. Роман поймал себя на одной только мысли, что забыл в этот момент обо всём: о работе, проблемах и времени. Ему казалось, что он знает её всю свою жизнь, но в то же время видит впервые. Разговор складывался легко, пока усталость не взяла своё. Роман почувствовал, как веки тяжелеют, нежный голос Сияны отдаляется, смешиваясь со стуком колёс и скрипом тормозов. Он хотел что-то сказать, но сон накрыл его, как тяжёлое шерстяное одеяло.

Проснулся он от резкого толчка — трамвай остановился. Роман резко выпрямился и огляделся.

Сияны не было.

Ни на сиденье, ни в салоне. Только на стекле напротив того места, где она сидела, остался отпечаток ладони — будто кто-то на мгновение прижал руку к запотевшему окну. А на сиденье лежал одинокий жёлтый лист — такой же, как те, что кружились за окном.

Роман коснулся следа на стекле. Тот уже начал таять на глазах. Он выскочил на улицу, огляделся: пустынная остановка, дождь, огни уходящего в ночь города. Никого.

Сон ли это был?

Или она действительно сидела здесь — живая, настоящая, — смеялась, рассказывала о своих любимых местах, смотрела на него так, будто знала что-то важное? Что-то, чего он пока не способен понять? Он поднял с сиденья жёлтый лист и крепко зажал его в своей руке. В его мыслях вновь и вновь звучало её имя — Сияна. Внезапно он ощутил полную уверенность, что это не просто совпадение.

Глава 1. Незнакомка

Осень 2020 года в Нижнем Новгороде оказалась необычно холодной. Золотистые листья падали с вековых деревьев, словно невесомые бабочки, кружась в медленном танце вдоль трамвайных путей. Воздух наполнился терпким ароматом увядания, но не грустным, а задумчивым, словно город готовился к долгой зиме, делясь своими тайнами перед долгим сном.

Роман сидел у окна последнего трамвая №2, который неспешно катился по городскому кольцу. Молодому человеку было 25 лет, и каждый вечер этот маршрут становился для него своеобразным ритуалом — переходом от насыщенного дня к тихой домашней гавани. Он работал учителем рисования в доме творчества для детей, и сегодня провёл несколько часов с учениками, показывая, как передать на бумаге игру света и тени. Руки до сих пор помнили ощущение кисти, а в голове роились идеи для новой картины. За окном мелькали знакомые пейзажи: старинные дома с потёртыми фасадами, огни кафе, редкие прохожие, кутающиеся в шарфы. Роман устало откинулся на спинку сиденья. День вымотал его, мысли путались, а веки становились всё тяжелее и тяжелее. Он и сам не заметил, как погрузился в дремоту.

Сон пришёл неожиданно, но оказался таким ясным, что реальность и грёзы переплелись в причудливом узоре. Напротив него, на сиденье через проход, сидела девушка. Её тёмные волосы, уложенные свободными волнами, отливали в свете трамвайных ламп глубоким каштановым оттенком, а карие глаза смотрели так внимательно, будто видели его насквозь. В них читалась какая-то мудрость и одновременно детская непосредственность — сочетание, от которого у Романа перехватило дыхание.

Девушка улыбнулась и, не спрашивая разрешения, села рядом. От неё пахло осенними листьями и чем-то неуловимо тёплым — как от свежеиспечённого хлеба в морозный день.

— Ты выглядишь уставшим, — её голос звучал мягко, почти шёпотом, но был отчётливо слышен сквозь мерный стук колёс.

Роман растерялся, но кивнул.

— Да, день был длинным. А ты... кто ты?

— Сияна, — она протянула руку, и он осторожно пожал её — ладонь оказалась тёплой и удивительно реальной. — Мне нравится, как ты смотришь на мир. Словно видишь не просто людей, улицы и дома, а их душу.

Он невольно улыбнулся.

— Так и есть. Я учитель рисования. Пытаюсь научить детей замечать в нашем сером мире красоту.

— И у тебя получается, — Сияна чуть наклонила голову.
— Потому что ты сам её видишь. Это редкий дар.

Они замолчали, но тишина не была неловкой. Роман поймал себя на мысли, что хочет запомнить этот момент навсегда: мягкий свет лампы над головой, стук колёс, её взгляд, в котором отражались огни города. Ему казалось, что он знает её всю жизнь, хотя до этой минуты никогда не встречал.

— А ты... откуда ты? — спросил он, чувствуя, как внутри разливается странное, почти волшебное тепло.

Сияна загадочно улыбнулась:

— Отовсюду и ниоткуда. Иногда я прихожу к тем, кому нужно напомнить, что мир полон чудес.

Она подняла руку, будто хотела коснуться его лица, но в этот миг трамвай резко затормозил, и Роман проснулся.

Он резко выпрямился, озираясь по сторонам. Напротив, сидели две пожилые женщины, увлечённо обсуждавшие что-то, а за окном мелькали огни улицы. Трамвай подъезжал к

его остановке. Сердце билось часто, будто он только что пережил что-то невероятно важное. Сон? Но ощущения были такими реальными — её голос, тепло руки, запах осенних листьев... Роман провёл ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыслями. Выходя из трамвая, он обернулся, словно надеясь увидеть её ещё раз. Но вагон уже тронулся, увозя пассажиров в ночь, а на душе осталось странное чувство — будто он коснулся чего-то волшебного, чего-то, что теперь будет искать в каждом мазке кисти, в каждом осеннем листе, в каждом взгляде прохожих.

«Сияна» — прошептал он, и имя эхом отозвалось в тишине улицы, растворяясь в мягком свете фонарей.

Роман вышел на остановке «Улица Добролюбова». Ночной город встретил его тишиной и мягким шуршанием опавших листьев под ногами. Воздух стал ещё прохладнее, чем в начале вечера, — осень напоминала о себе лёгким морозцем, от которого на губах появлялось едва заметное облачко пара. Он не спешил домой. Ноги сами повели его в сторону набережной Фёдоровского — туда, где город раскрывался во всей своей красоте, где дома цеплялись за склоны, а внизу, далеко внизу, текла Волга, отражавшая огни города и звёздное небо. Роман шёл медленно, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться. В голове снова и снова всплывали образы из сна: карие глаза Сияны, её улыбка, голос, звучавший так

ясно, будто она всё ещё сидела рядом. Он невольно коснулся ладони, вспоминая тепло её руки — казалось, оно ещё не до конца исчезло.

«Сияна» — прошептал он снова, и имя прозвучало в ночной тишине почти как заклинание.

Набережная встретила его прохладной свежестью и завораживающим видом. В свете фонарей здания казались декорациями к какой-то сказке. Роман остановился у парапета, опёрся на него и посмотрел вниз. Волга текла неторопливо, её тёмная поверхность мерцала отблесками городских огней. Над рекой висел лёгкий туман, придавая всему вокруг призрачную, почти волшебную атмосферу. Он поднял взгляд к небу. Звёзды были яркими, непривычно близкими — будто кто-то рассыпал горсть бриллиантов по чёрному бархату. Роман никогда раньше не замечал, какие они разные: одни — яркие и холодные, другие — едва заметные, мерцающие, как далёкие свечи. Он попытался найти знакомые созвездия, но мысли всё равно возвращались к Сияне.

Что это было? Сон? Или нечто большее?

Он закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти каждое мгновение их разговора. Её слова о том, что он видит душу улиц и домов... Неужели кто-то действительно мог это заме-

тить? И почему именно сейчас, в этот вечер?

Роман глубоко вдохнул ночной воздух, наполненный запахами осени — влажной земли и опавших листьев. Ему вдруг показалось, что мир стал чуть более волшебным, чем был ещё вчера. Будто завеса между реальностью и сказкой истончилась, и сквозь неё проглянуло что-то прекрасное и неуловимое. Он провёл на набережной больше часа — ходил, останавливался, смотрел на звёзды, снова вспоминал Сияну. В какой-то момент ему даже показалось, что он чувствует её присутствие рядом: будто она идёт где-то неподалёку, прячется, смеётся где-то в тени деревьев.

Наконец Роман решил, что пора возвращаться. Он в последний раз окинул взглядом ночной город: огни на другом берегу, силуэты церквей, звёзды над головой. Что-то в нём изменилось за этот вечер — он не мог точно сказать, что именно, но чувствовал, что уже не будет прежним.

Идя к дому, он улыбался. Где-то глубоко внутри теплилась уверенность: это не конец. Эта девушка — не просто сон. Она ещё даст о себе знать. А пока... Пока он будет ждать. И рисовать. Рисовать мир так, как научил его этот странный, волшебный вечер. Роман тихо закрыл за собой дверь квартиры — так, чтобы не нарушить хрупкую ночную тишину. Не включая свет, он прошёл на кухню, привычным

движением поставил чайник на плиту и замер у окна. За стеклом раскинулся ночной Нижний Новгород. Вдалеке, на холме, величественно возвышался Кремль — его башни и стены, подсвеченные огнями, казались сказочным замком из старинной легенды. Яркие фонари очерчивали контуры стен, а купол собора мягко мерцал в темноте, отражая свет уличных фонарей. Роман невольно залюбовался этим видом — он видел его сотни раз, но сегодня всё выглядело иначе, будто обрело новый смысл.

Чайник закипел, издав короткий свист. Роман заварил себе чёрный чай с мятой — тот самый, что всегда помогал ему расслабиться после долгого дня. Он налил напиток в любимую кружку с потрескавшейся росписью и сел за стол, обхватив тёплую керамику ладонями. Тепло медленно проникало в пальцы, а аромат мяты успокаивал и настраивал на задумчивый лад. Взгляд снова и снова возвращался к Кремлю. Роман представил, как идёт по его древним стенам вместе с Сияной, как показывает ей город с высоты, рассказывает истории о каждом здании, о каждом камне. Он почти слышал её смех — лёгкий, звонкий, будто колокольчики, — и видел, как её карие глаза загораются интересом, когда он делится своими мыслями о красоте мира.

«Интересно, — подумал он, — а она, когда-нибудь была здесь? Видела этот вид? Знает ли, как прекрасен город но-

чью?»

Он отхлебнул чая, чувствуя, как тепло разливается по телу. В голове роились образы: Сияна, стоящая на смотровой площадке и любующаяся Волгой, Сияна, рассматривающая старинные фрески в соборе, Сияна, улыбающаяся ему в свете уличных фонарей... Роман закрыл глаза, пытаясь удержать эти видения. Ему отчаянно захотелось, чтобы эта ночь продлилась как можно дольше — чтобы сон пришёл поскорее и принёс с собой продолжение той удивительной встречи.

«Пожалуйста, — мысленно попросил он, сам не зная кого, — пусть сегодня она снова будет рядом. Пусть мы прогуляемся по ночному Кремлю, поговорим, посмеёмся... Пусть я снова почувствую это тепло, эту магию».

Он допил чай, не отрывая взгляда от освещённых стен крепости. В душе теплилась тихая, почти детская надежда — вера в то, что чудеса случаются, что сны могут перетекать в реальность, а встречи, начавшиеся в грёзах, могут обрести продолжение в жизни. Роман встал, аккуратно поставил кружку в раковину и направился в спальню. Укладываясь, он ещё раз посмотрел в окно — Кремль по-прежнему сиял огнями, будто подмигивая ему, обещая новые истории и новые встречи.

«Сияна... — прошептал он, проваливаясь в сон. — Приходи сегодня. Покажи мне этот мир, как видишь его только ты».

И с этой мыслью он уснул — с улыбкой на губах и с сердцем, полным ожидания чуда.

Глава 2. Солнечный день

Роман проснулся от того, что лучи утреннего солнца пробились сквозь неплотно задернутые шторы и легли тёплыми полосами на подушку. Он потянулся, ещё не до конца очнувшись, и тут же вспомнил: ночью ему ничего не снилось. Ни Сияны, ни их волшебного разговора, ни того странного чувства, будто мир на мгновение стал сказочным.

Воспоминания о вчерашнем вечере потускнели, словно выцветшая фотография. Образ девушки с карими глазами расплывался, её голос уже не звучал так отчётливо в памяти, а ощущение её присутствия почти исчезло. Роман сел на кровати, провёл рукой по лицу. «Может, это и правда был просто сон?» — подумал он с лёгкой досадой. Вчера всё казалось таким реальным, а сегодня — будто туман, который развеялся с первыми лучами солнца. За окном всюю радувалась осени солнечная погода. Деревья, ещё недавно казавшиеся хмурыми, теперь сверкали всеми оттенками золота и багрянца. Воздух за окном был прозрачным и бодрящим, а по тротуарам спешили люди, явно наслаждаясь редким тёплым утром.

Роман встал, подошёл к окну и распахнул створку. В комнату ворвался свежий воздух, пахнувший опавшими листья-

ми и чем-то неуловимо радостным. Он глубоко вдохнул, чувствуя, как настроение понемногу улучшается. Может, и правда не стоит заикливаться на одном сне? Жизнь продолжается, и она прекрасна сама по себе. По привычке он взял телефон и набрал номер своего лучшего друга Алексея. Тот ответил почти сразу — судя по фоновым звукам, уже был на ногах и, похоже, завтракал.

— Алло, Ромка? — бодро отозвался Алексей. — Ты чего так рано? Суббота же!

— Потому что солнце светит так, что спать просто преступно, — улыбнулся Роман. — И я подумал: может, прогуляемся? Как в старые добрые времена — Большая Покровская, кофе, болтовня ни о чём?

— О, это предложение я одобряю на все сто! — воскликнул Алексей. — Дай мне полчаса, приведу себя в порядок, и встречаемся у памятника Горькому?

— Договорились, — кивнул Роман, хотя друг этого и не видел. — Через полчаса у Горького.

Он положил трубку и ощутил приятное волнение. Алексей был его школьным другом — умел подбодрить, рассмешить и взглянуть на проблемы иначе. Сейчас Роману это бы-

ло нужно: отвлечься от туманных мыслей о Сияне, вдохнуть осенний воздух и просто побыть собой. Роман быстро принял душ, надел джинсы и тёплый свитер, собрал этюдник. Художник всегда был готов к неожиданным вдохновляющим видам. Он накинул куртку, взял блокнот и карандаши и вышел из дома.

Улица встретила его ярким светом и оживлением субботнего дня. Люди гуляли с детьми, влюблённые фотографировались на фоне старинных зданий, уличные музыканты играли весёлую музыку. Роман шёл, вдыхая аромат свежей выпечки, и чувствовал, что впервые за долгое время ощущает свободу. «Возможно, чудеса случаются не только во снах, — подумал он с улыбкой. — Они здесь, вокруг нас: в солнечном свете, в смехе, в каждом мгновении. А Сияна, если ей суждено вернуться, она вернётся. Но пока есть этот день, есть друг и город, который ждёт, чтобы его увидели и заново полюбили».

Сердце Романа наполнилось радостью, и он ускорил шаг. Впереди его ждала Большая Покровская — шумная, яркая, полная жизни. Пусть Сияна пока оставалась в тумане снов, сегодняшний день обещал стать волшебным.

Роман и Алексей встретились у памятника Горькому — как и договаривались. Алексей, как всегда, был полон энер-

гии: в кожаной куртке, с рюкзаком через плечо и телефоном в руке, готовый запечатлеть любой забавный момент.

— Ну что, — хлопнул он Романа по плечу, — куда первым делом? В ту кофейню? Или сначала просто походим, посмотрим, что город нам сегодня приготовил?

— Давай сначала просто пойдём, — улыбнулся Роман. — Хочется просто дышать, смотреть, чувствовать...

— О, наш художник снова в настроении ловить вдохновение, — подмигнул Алексей. — Ну, веди!

Они двинулись вниз по Большой Покровской, в сторону площади Минина. Алексей по привычке снимал на телефон: яркие осенние деревья, старинные здания с нарядными фасадами, прохожих, которые невольно улыбались, заметив направленную на них камеру. Роман шёл рядом, но его взгляд то и дело скользил по лицам прохожих. Он сам не замечал, как невольно искал в толпе тот самый образ — девушку с тёмными волосами и карими глазами, чей голос ещё вчера звучал так ясно.

— Ты чего всё оглядываешься? — заметил Алексей, опуская телефон. — Кого-то ищешь?

— Да так... — Роман замялся. — Просто... люблюсь людьми. Осень, солнце — все такие яркие, живые.

— А, ну да, — понимающе кивнул друг. — Ты же у нас художник, тебе важно всё подмечать. Ладно, смотри, а я пока буду ловить моменты для своего архива.

Они шли, шутили, вспоминали школьные годы — как вместе сбегали с уроков, чтобы погулять по городу, как Роман пытался научить Алексея рисовать, а тот вместо пейзажа изобразил какой-то абстрактный хаос и гордо назвал это «современным искусством». Роман смеялся, слушая эти истории заново, но где-то в глубине души всё равно теплилась мысль: а вдруг Сияна где-то здесь? Вдруг она просто прячется за поворотом, ждёт, чтобы снова встретиться с ним?

На подходе к площади они встретили Дашу и Светлану — давних знакомых, с которыми иногда пересекались в общих компаниях. Девушки были в ярких шарфах и тёплых пальто, смеялись и о чём-то оживлённо болтали.

— О, какие люди! — воскликнула Даша, увидев друзей.
— Куда направляетесь?

— Никуда конкретно, — ответил Алексей. — Просто гуляем, наслаждаемся днём.

— Тогда присоединяйтесь к нам! — предложила Светлана, переводя взгляд на Романа. — Пойдёмте в то кафе у Дмитриевской башни? Там сегодня какой-то новый осенний пирог, все его хвалят.

— Отличная идея! — тут же согласился Алексей. — Я как раз проголодался.

Роман кивнул, но его внимание привлёк вопрос Светланы.

— Кстати, Роман, — она кивнула на этюдник, который он всё это время держал в руке. — А зачем ты его взял? Собираешься что-то рисовать? Может, меня нарисуешь? Если, конечно, найдётся минутка...

Роман на мгновение замер. В голове промелькнуло воспоминание: Сияна, сидящая напротив в трамвае, её улыбка, её слова о том, что он видит душу вещей. Он посмотрел на Светлану — милую, открытую, с искренним любопытством в глазах — и улыбнулся.

— Конечно, — сказал он. — Если ты не против посидеть немного, я с радостью попробую.

— Ура! — обрадовалась Светлана. — Тогда тем более

идём в кафе — там и столик подходящий найдём, и свет хороший.

Компания двинулась дальше, оживлённо обсуждая, что заказать, какие ещё места посетить после. Алексей снова достал телефон, чтобы снять общий кадр на память. Роман шёл следом, но краем глаза всё равно продолжал всматриваться в прохожих — в каждом повороте, в каждой тени ему чудилось что-то знакомое, будто мир подавал ему едва уловимые знаки. «Может, она где-то рядом?» — подумал он, и сердце на мгновение замерло. Солнце светило ярко, город жил своей жизнью, а где-то на задворках сознания всё ещё жила надежда — надежда на новую встречу, на продолжение той истории, что началась в ночном трамвае.

Друзья зашли в уютное кафе с большими окнами, откуда открывался вид на площадь Минина. Внутри пахло свежемолотым кофе и корицей, а из колонок тихо лилась приятная мелодия. Они нашли свободный столик у окна, расположились, сделали заказ — ароматный капучино для Романа, американо для Алексея, латте с ванильным сиропом для девушек.

Светлана, не теряя времени, снова посмотрела на Романа и с лёгкой улыбкой напомнила:

— Ну что, нарисуешь? Обещал же!

Роман немного замялся, но кивнул. Он достал из этюдника лист бумаги и мягкий карандаш. Светлана с удовольствием села чуть боком к нему, поправила шарф, приняла удобную позу — она явно наслаждалась вниманием. Роман начал набрасывать контуры: лёгкими штрихами обозначил овал лица, линию плеч, изгиб шеи. Линии ложились на бумагу почти сами собой — рука помнила, как передавать черты, как ловить характер в нескольких движениях. Он прорисовал волосы, слегка растрёпанные ветром, наметил линию бровей...

И вдруг на секунду замер.

Чем полнее проявлялся портрет на бумаге, тем яснее Роман понимал: он рисует не Светлану. Перед ним, словно наяву, возникали черты той самой девушки из ночного трамвая — Сияны. Тот же изгиб губ, тот же взгляд карих глаз, та же лёгкая тень улыбки, будто она знает какую-то прекрасную тайну. Он невольно добавил тёмные волосы, уложенные свободными волнами, — точно, как в его воспоминаниях.

Алексей и Даша оживлённо обсуждали новый городской фестиваль, спорили, стоит ли идти на концерт. Их голоса доносились до Романа будто издалека, сквозь пелену какого-то странного оцепенения.

— Ну как? — с любопытством спросила Светлана, слегка наклонив голову. — Получается?

Роман поднял глаза на неё, потом снова посмотрел на рисунок. Он видел перед собой не девушку напротив, а образ, который не отпускал его с прошлой ночи. Это было одновременно завораживающе и мучительно.

Он виновато посмотрел на Светлану и тихо ответил:
— Не очень... Не получается.

Быстро сложил лист, убрал его в этюдник и виновато улыбнулся.

— Извини, — добавил он. — Нет настроения сегодня. В другой раз, ладно?

В кафе повисла короткая пауза. Алексей замолчал на полуслове, удивлённо посмотрел на друга. Даша тоже перевела взгляд с Алексея на Романа, слегка приподняв брови.

— Ром, что случилось? — осторожно спросил Алексей.
— Ты какой-то странный.

Роман покачал головой.

— Ничего, просто... чувствую, что мне нужно уйти. Про-

стите.

Он встал из-за стола, машинально застегнул этюдник.
— Увидимся позже, ладно? Мне надо... подумать.

Друзья переглянулись с явным непониманием. Светлана слегка нахмурилась, но ничего не сказала. Алексей хотел что-то добавить, но Роман уже направился к выходу. Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул осенний воздух. Солнце всё ещё светило, но теперь он почти не замечал его тепла. В голове крутились мысли: почему он не смог нарисовать Светлану? Почему вместо неё на бумаге появилась Сияна? Был ли тот сон чем-то большим, чем просто игрой воображения?

Он шёл по Большой Покровской, не замечая красочных витрин и весёлых прохожих. Город, ещё недавно казавшийся таким радостным и солнечным, теперь будто приглушил свои краски. Роман чувствовал, как внутри растёт странное, тревожно-волнующее ощущение — будто он стоит на пороге чего-то важного, чего-то, что вот-вот откроется ему, если он сможет разгадать эту загадку.

«Сияна» — снова пронеслось в его голове. И на этот раз имя прозвучало не как воспоминание о сне, а как вопрос, требующий ответа.

Глава 3. Портрет

Роман не помнил, как дошёл до дома. Ноги сами несли его по знакомым улицам, а мысли крутились вокруг одного — он должен нарисовать её. Сияну. Ту, что явилась ему в ночном трамвае и не выходила из головы.

Он вбежал на пятый этаж, распахнул дверь и, едва оказавшись в прихожей, сбросил с себя куртку и шарф, которые упали на пол бесформенной кучей. Пальцы дрожали от нетерпения. Не включая свет, Роман прошёл в мастерскую — небольшую комнату, где стены были увешаны эскизами, а мольберт стоял в центре, словно алтарь всего непознанного. Достал заготовленный подрамник, натянул на него холст — тот давно ждал своего часа. Поставил на мольберт, включил лампу с мягким светом и отступил на шаг. Перед глазами всё ещё стоял набросок, который он так и не доделал в кафе. Черты лица Сияны отпечатались в памяти с поразительной чёткостью: изгиб бровей, лёгкая тень улыбки, глубина карих глаз, в которых читалась какая-то древняя тайна.

Роман вложил кисть в руку и принялся за работу.

Писать было удивительно просто. Линии ложились на холст сами собой, будто кто-то водил его рукой. Он прорисо-

вал тёмные волосы, слегка растрёпанные, будто их коснулся осенний ветер. Добавил лёгкий румянец на скулах, подчеркнул изгиб губ — не широкая улыбка, а намёк на неё, будто она вот-вот рассмеётся над какой-то шуткой, известной только ей. Глаза... Он долго работал над глазами. Старался передать тот самый взгляд — одновременно внимательный и загадочный, будто она видела не только его, но и что-то за пределами этого мира. Кисть скользила по холсту, смешивала краски, ловила оттенки — тёплый коричневый с золотистыми искорками, чуть заметная тень у ресниц...

Часы на стене предательски тикали, отсчитывая минуты, но Роман их не слышал. Он был полностью поглощён работой, словно находился под чьим-то гипнозом. Время потеряло значение. За окном давно стемнело, город затих, а он всё продолжал добавлять детали: лёгкую морщинку у уголка рта, едва заметную родинку на щеке, блеск в глазах, который делал её взгляд живым, почти осязаемым.

Только за полночь он отступил на шаг и замер.

С холста на него смотрела Сияна. Как живая. Казалось, ещё мгновение — и она моргнёт, улыбнётся, заговорит. Портрет вышел не просто похожим — он дышал, излучал ту самую магию, что Роман почувствовал в трамвае. В свете лампы глаза девушки будто мерцали, а губы хранили тайну,

которую она так и не успела ему рассказать.

Роман опустился в старое кресло напротив мольберта, не в силах оторвать взгляд. Усталость навалилась внезапно, сковала тело, отяжелила веки. Мысли путались, образы смешивались — воспоминания о сне, набросок в кафе, этот портрет, который теперь жил своей жизнью. Он не заметил, как уснул. Просто веки сомкнулись, дыхание стало ровным, а сознание унеслось куда-то далеко. Но даже во сне он продолжал видеть её — Сияну, которая смотрела на него с холста, улыбалась и шептала что-то, чего он не мог разобрать.

В комнате было тихо. Лампа мягко освещала холст, и в её свете казалось, что глаза девушки на портрете чуть заметно мерцают, будто она и правда наблюдает за спящим художником, ожидая, когда он проснётся... Роман спал в кресле, но то ли во сне, то ли наяву ему показалось, что его щёки коснулась знакомая тёплая ладонь. Лёгкое, почти невесомое прикосновение — будто лепесток скользнул по коже.

Он резко открыл глаза — и замер.

Перед ним стояла Сияна. Настоящая, живая, совсем не похожая на призрачный образ из сна. В её карих глазах мерцали те самые искорки, которые он так старательно пытался передать на холсте. Волосы слегка растрепались, будто она

только что шла по ветру, а на губах играла та самая улыбка — лёгкая, загадочная, словно она знала то, что другим не подвластно.

Роман встал с кресла, и они оказались так близко друг к другу, что он действительно почувствовал её дыхание — тёплое, с лёгким ароматом чего-то неуловимо родного.

— Я рада снова тебя видеть, — тихо сказала Сияна, и её голос звучал так же ясно, как в том трамвае.

— Но... как ты здесь оказалась? — прошептал он, всё ещё не веря в происходящее. — В моей квартире?

Сияна чуть отступила назад и повернулась к холсту. Роман проследил за её взглядом — и замер. Портрет был пуст. Чистый холст, без единого мазка. Будто он никогда и не начинал этот портрет, словно всё, что произошло этой ночью, было лишь игрой воображения. Но он помнил. Помнил каждую линию, каждый оттенок, каждую деталь.

— Он не нужен, — словно прочитав его мысли, сказала Сияна. — Я реальна, но не здесь. Не в этом городе.

Сердце Романа забилось чаще.

— А где? — спросил он, чувствуя, как внутри просыпает-

ся странное, почти первобытное любопытство.

Сияна улыбнулась — на этот раз шире, искреннее, но в её глазах можно было заметить грусть. Она протянула ему руку — ладонь необыкновенно тёплой, совсем не призрачной.

— Пойдём, — сказала она. — Я хочу тебе кое-что показать.

Роман на мгновение замер, глядя на её руку. В голове пронеслось: «Это сон? Бред? Галлюцинация после бессонной ночи?» Но что-то внутри — то самое, что заставило его взяться за кисть сегодня вечером, — подсказало: поверь ей.

Он глубоко вдохнул и вложил свою ладонь в её.

В тот же миг комната вокруг начала меняться. Свет лампы дрогнул, тени на стенах зашевелились, словно ожили. Воздух наполнился запахом осеннего леса, далёкого костра и чего-то ещё волшебного, будто сама земля желала говорить.

Сияна сжала его руку чуть крепче и улыбнулась.
— Не бойся. Просто иди за мной.

И Роман пошёл. Пошёл вслед за девушкой из сна, за картиной, которая оказалась пустой, за голосом, который звал

его куда-то далеко — туда, где реальность переплетается с мечтой, а чудеса становятся частью жизни.

Последний взгляд он бросил на пустой холст. Тот больше не казался пустым. Теперь он был похож на дверь — дверь, ведущую туда, где Сияна была не сном, а самой настоящей, живой реальностью. Вдруг вспышка — ослепительная, почти болезненная — и резкий поток света на мгновение поглотил всё вокруг. Роман инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, то не поверил тому что видит.

Они стояли на Невском проспекте Санкт-Петербурга. Величественные здания с колоннадами и лепниной тянулись вдоль широкой улицы, золочёные купола поблёскивали в лучах неяркого солнца, а вдалеке виднелась Адмиралтейская игла. Но что поразило Романа больше всего — город был пуст. Ни прохожих, ни машин, ни чего. Только ветер гонял по тротуару опавшие листья и где-то вдалеке слышался одинокий крик одинокой чайки.

— Это мой родной город, — тихо сказала Сияна, и в её голосе прозвучала странная смесь гордости и печали. — Я здесь родилась.

Роман растерянно огляделся.

— Но где все люди? Почему здесь так пусто?

Сияна пожала плечами.

— Так нужно. Пойдём погуляем пока мы одни?

Они медленно пошли вдоль проспекта. Роман с изумлением рассматривал знакомые по открыткам и фильмам фасады — Казанский собор с его величественной колоннадой, дом книги, старинные фонари. Всё выглядело настоящим, осязаемым, но какая-то едва уловимая нереальность витала в воздухе, словно город был декорацией к какому-то таинственному спектаклю.

— Ты ведь не просто так меня сюда привела, — осторожно произнёс Роман после долгого молчания. — Что всё это значит?

Сияна остановилась, посмотрела вдаль, на Неву, и вздохнула.

— Я знаю, что будет дальше. Знаю, как всё сложится. И... очень не хочу этого.

В её глазах заблестели слёзы. Роман почувствовал, как сердце сжалось от тревоги.

— Что ты имеешь в виду? Прошу, скажи мне!

— Не могу, — она покачала головой. — Если скажу, всё

изменится. Но я хотела показать тебе это место. Хотела, чтобы ты увидел, откуда я. Возможно эти места расскажут обо мне больше чем я сама и ты почувствуешь что-то важное внутри себя.

Они дошли до набережной Невы и остановились. Вода отливала свинцовым блеском. Сияна повернулась к Роману, посмотрела ему прямо в глаза — так, что у него перехватило дыхание. В её взгляде было столько нежности, тоски и какой-то мудрости, что он забыл обо всём на свете.

Она медленно приблизилась, подняла руку и коснулась его щеки. Роман почувствовал тепло её пальцев, уловил чего-то неуловимо родного. Сияна потянулась к нему и их губы почти соприкоснулись... И в этот самый момент по всей набережной разнёсся громкий, настойчивый звонок мобильного телефона. Роман вздрогнул, очнулся от наваждения. Сияна отступила на шаг, её лицо стало прозрачным и ужасно печальным.

— Пора, — мягко сказала она. — Тебе пора возвращаться.

— Но я не хочу! — вырвалось у Романа.

— Мы ещё встретимся, — улыбнулась Сияна, и её образ

начал мерцать, растворяться в воздухе. — Обещаю.

Звонок не утихал. Роман протянул руку, пытаясь удержать её, но пальцы схватили лишь пустоту. Яркая вспышка света — и он резко открыл глаза.

Он всё так же сидел в кресле перед мольбертом. За окном уже было раннее утро. На холсте по-прежнему был тот же портрет Сияны, которая теперь казалась Роману очень грустной. Телефон на тумбочке надрывался — звонил Алексей, наверное, волновался после вчерашнего странного ухода Романа из кафе.

Что это было? Сон? Видение? Но сердце билось так часто, будто всё произошло на самом деле. Он посмотрел на холст, и ему показалось, что в глубине полотна всё ещё мерцают от слёз карие глаза Сияны — глаза, которые пообещали ему, что они ещё обязательно встретятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.